

в том, что возможны различные подходы к разрешению противоречий: это их размывание, ослабление ограничений и целей, дискретные и непрерывные аппроксимации для приближенного удовлетворения условиям выбора и др.

Если рассматривать формальные модели, то они либо сводятся к ряду тождественных преобразований, и тогда содержат тавтологию, даже если и весьма разветвленную, либо они содержат противоречия, пусть и в латентной форме. Упрощенно выражаясь, мы имеем либо тождество $A = A$, либо выражение $A = B$, где на самом деле нет полного совпадения A с B . И это уже противоречие, причем на содержательном уровне оно всегда присутствует. Чтобы иметь содержательную информацию, надо фиксировать различия, и это уже является пусковым механизмом для производства противоречивых моделей. «Равенство» $A = B$ следует более точно понимать как совпадение в некоторых контекстах или ситуациях s : $A(s) = B(s)$ для некоторых s из множества S . Если мы рассмотрим систему всех таких равенств — для всех s из S , то, вообще говоря, мы получим несовместную систему соотношений, и тогда для нее приходится ставить вопрос об отыскании совместных подсистем. Соответствующий математический аппарат разработан и продолжает развиваться.

А. В. Родин
Москва

ЭКСТЕНСИОНАЛЬНОСТЬ И ИНТЕНСИОНАЛЬНОСТЬ В ПРАВЕ

1. Человек и закон

Различие между *индивидом* как субъектом права и общим *законом*, который применяется к каждому конкретному индивиду, фундаментально для самой идеи права. Я постараюсь показать, что только в рамках некоторой системы формального права отдельный человек — взрослая особь *Homo sapiens* — становится *индивидом* — или, по крайней

мере, становится индивидом в новом, более специальном, и, с практической точки зрения, более важном смысле. Понимая термин «индивид» этимологически буквально как «неделимую вещь», попробуем разобраться, в каком смысле отдельного человека можно назвать индивидом, и можно ли вообще в этом случае использовать буквальное понимание этого термина. (Или же в данном случае этот термин используется чисто условно, как это происходит с термином «атом» — греческим эквивалентом латинского термина «индивид» — в современной физике? Хотя уже довольно давно выяснилось, что те физические объекты, которые называют атомами, делимы, и более того, была до определенной степени исследована внутренняя структура физических атомов, физики продолжают употреблять этот термин, не считая необходимым строго следовать его первоначальному значению.)

а) биологическая индивидуальность

Итак, в каком смысле отдельного человека можно считать *неделимым*? Можно ли назвать человека неделимым, если рассматривать его с биологической точки зрения как особь своего биологического вида? С определенными оговорками это можно сделать. Основная оговорка состоит в том, что мы должны соответствующим образом ограничить рассматриваемую область вещей. Например, можно рассматривать только живые организмы (конечно, критерий отличия живого от неживого составляет огромную проблему, но я не буду на ней останавливаться). Человека можно рассечь на части, но эти части, вообще говоря, будут нежизнеспособными. В этом смысле человек неделим — в отличие от амебы, которая размножается делением, или от червя, которого можно разрезать пополам, и из этих половинок затем возникнут два новых полноценных организма. Однако в этой связи возникает много спорных вопросов. Необходимо договориться, что именно считать делением. Ведь мы, конечно, можем *различить* в человеческом организме отдельные части. Человеческий организм может быть назван неделимым только в том смысле, что эти части не могут быть физически изолированы друг от друга так, чтобы каждая из них сохранила жизнеспособность. Однако некоторые части, очевидно, могут быть удалены без значи-

тельного ущерба для остального организма. Считать ли эту ситуацию делением? В этой связи возникает также вопрос об идентичности человеческого организма и его частей. Предполагает ли делимость, что ни одна из частей не тождественна исходному целому? Какие критерии идентичности следует при этом использовать? (Очевидно, следует говорить об идентичности во времени, то есть об идентичности в том смысле, который мы имеем в виду, говоря, что ребенок и выросший из него взрослый — это один и тот же человек.) Возможность клонирования человека означает, что отделив от человека А единственную клетку Б, можно вырастить из нее новый организм (клон) В. При этом человек А, очевидно (по крайней мере, с обычной точки зрения), останется самим собой, однако неясно, следует ли считать тождественными клетку Б и клон В. Следует ли считать клонирование разновидностью деления? Далее придется оговорить, *как долго* должна оставаться живой та или иная часть. Помещенный в естественные условия обитания, но лишенный возможности пользоваться плодами деятельности других людей и общения с себе подобными, отдельный человек в большинстве случаев относительно скоро погибнет (как правило, быстрее, чем живя в обществе). Именно это имеют в виду, говоря, что человек — существо социальное. В определенном смысле (который можно и нужно уточнить) отдельная человеческая особь тоже нежизнеспособна, как нежизнеспособен любой отдельно взятый человеческий орган (рука, сердце, мозг). А это значит, что в некотором (другом) смысле индивидом нужно считать не отдельного человека, а некоторое минимальное сообщество, способное к выживанию. (Разумеется, последний критерий также можно трактовать по-разному.)

Это рассуждение показывает, что биологическую особь можно считать индивидом только в весьма специальном и условном смысле, который всякий раз необходимо подробно уточнять. Однако если в случае биологического подхода необходимость таких уточнений и относительный характер понятия неделимости являются очевидными, то в практической области, в области морали и права, мы слишком часто употребляем такие метафизические понятия, как неделимость, некритически, не как понятия, а как метафоры.

б) лингвистическая индивидуальность

Прежде чем перейти теперь к определению индивида с точки зрения права, заметим, что отдельный человек (биологическая особь) является неделимым элементом коммуникации посредством *языка и речи*. Я сейчас имею в виду то простое обстоятельство, что, в отличие от людей, *части* людей (органы, клетки и т. п.) не разговаривают, а взаимодействуют другими (химическими и физиологическими) способами. А могут ли разговаривать друг с другом человеческие *сообщества*? Тот факт, что такой разговор всякий раз требует конкретных исполнителей (переговорщиков), с моей точки зрения, не запрещает ответить на этот вопрос утвердительно (ведь и разговор двух людей требует того, чтобы у каждого из них были рот, язык и уши). Ниже мы подробнее остановимся на этом вопросе.

Итак, кажется, что по отношению к речевой коммуникации понятие индивида приобретает более простой и ясный смысл. Однако пока мы говорим только об абстрактном анализе, о делении, которое производим мы сами, рассуждая о данном предмете, подобно тому как мы мысленно выделяем различные части организма. Глядя на сообщество говорящих со стороны, мы можем, конечно, заметить, что речевая коммуникация происходит между особями, но не между их частями. Но с другой стороны, если изолировать человека от сообщества, то ему попросту будет не с кем разговаривать, а если это сделать в младенческом возрасте, то такой человек вообще никогда не научится говорить. Считая говорящего человека неделимой единицей, способной поддерживать речевую коммуникацию, мы незаметно даем ему в собеседники самих себя, то есть Наблюдателя. Однако наблюдать коммуникацию — это не то же самое, что в ней участвовать. Совершенно очевидно, что для любого разговора нужны по крайней мере двое разговаривающих. Если изолировать пару людей, принадлежащих одному и тому же лингвистическому сообществу (сообществу людей, понимающих речь друг друга), то они, конечно, смогут поддерживать беседу. Однако два ребенка, изолированные от лингвистического сообщества с момента своего рождения, вряд ли смогут создать и использовать полноценный язык на протяжении своей жизни. Во всяком

случае, существующие лингвистические сообщества, во-первых, включают в себя значительно большее число говорящих, а во-вторых, пользуются языками, выработанными предшествующими поколениями. Таким образом, вопрос о том, что считать неделимой единицей, способной поддерживать речевую коммуникацию, снова запутывается и переходит в эмпирическую плоскость. Может быть, для поддержания языка на самом деле требуется все лингвистическое сообщество, причем рассмотренное в своей истории? Если это и верно, то по крайней мере не в том смысле, что всякое лингвистическое сообщество является неделимым. Действительно, генеалогическое древо исторических языков (как и любая структура такого рода) содержит многочисленные «вилки» или «бифуркации», то есть ситуации, когда некий праязык *расщепляется* на несколько новых языков (иначе говоря — когда несколько языков имеют общего предка). Кажется правдоподобным, что если разделить некоторое лингвистическое сообщество на несколько достаточно больших частей, лишив представителей различных групп возможности разговаривать друг с другом, то каждая из этих групп будет развивать один и тот же исходный язык независимо, так что если со временем представители различных групп вновь встретятся, то может оказаться, что они уже говорят на разных языках и не могут понять друг друга. (Подобное действительно произошло, когда скандинавские викинги стали обживать Исландию. Скандинавские языки с тех пор сильно изменились, тогда как исландцы продолжают говорить почти на языке викингов. Поэтому сегодня знания других скандинавских языков недостаточно для того, чтобы понять исландца. Кажется правдоподобным, что древовидный характер генеалогии языков обусловлен именно этим механизмом, связанным с освоением людьми новых территорий и относительной изоляцией групп, осваивающих удаленные территории. Поскольку в наше время благодаря техническим средствам коммуникации лингвистическая изоляция сообществ значительно ослабла, такая центробежная эволюция языков должна, по-видимому, смениться центростремительной. Кажется, это уже имеет место: вымирание старых языков происходит у нас на глазах, а зафиксированные случаи рождения новых языков

единичны и имеют обычно внешние политические причины — как в случае недавнего формального расщепления сербохорватского языка на сербский и хорватский.) Насколько большой должна быть группа людей для того, чтобы составлять полноценное лингвистическое сообщество (и каковы критерии этой полноценности), — это интересные эмпирические вопросы, относящиеся к компетенции лингвистов. Совершенно аналогично ситуации с биологией, всякая попытка отвечать на подобные вопросы сделает необходимой выработку критериев идентичности лингвистических сообществ и языков, а также критериев «делимости» и «неделимости» лингвистического сообщества.

Обобщая сказанное, можно различить *внутренние и внешние* определения делимости. Занимаясь анатомией, мы можем выделить в организме человека отдельные части, искусственно рассекая человеческое тело — в мысли или в реальности. Однако когда мы говорим, что организм человека является неделимым в том смысле, что эти части сами по себе нежизнеспособны, мы не берем этот критерий делимости с потолка: можно сказать, что он задан человеческой природой. Можно в духе Аристотеля заметить, что амеба делится сама, в соответствии со своей природой, тогда как человека можно поделить только насильственно, причем не получив интересного результата. (Случай червя оказывается в этом смысле промежуточным: деление червя тоже может быть только насильственным, однако природа червя в отличие от природы человека реагирует на такое вмешательство более гибко.) Хотя в случае права мы имеем дело скорее с человеческим установлением, чем с человеческой природой в узком смысле слова, тем более нам нужно понять, какой смысл имеет понятие индивида *внутри* правовой системы, а не пытаться, глядя на правовую систему извне, выделить из нее неделимые части по произвольным критериям.

в) *юридическая индивидуальность и анонимность закона*

Итак, перейдем непосредственно к анализу *правовой системы*, под которой мы будем понимать формальную систему *законов*, приложимых к некоторому человеческому сообществу, содержащему механизмы выработки и

применения этих законов. При этом мы предполагаем, что сообщество, о котором идет речь, является *лингвистическим* сообществом (поскольку законность в обычном смысле немыслима без языка). Для простоты мы будем называть систему законов просто законом (в единственном числе; упрощая ситуацию, закон можно рассматривать как логическую конъюнкцию законов). Что такое закон? Для наших целей совершенно не нужно пытаться дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Для нас сейчас важно то обстоятельство, что закон — это некоторое речевое (обычно письменное) сообщение, причем весьма особого характера. Попробуем определить этот характер. Интересно, что то, что на первый взгляд кажется самым существенным для закона, на самом деле для него не специфично. Так, деонтическая модальность (то обстоятельство, что некоторое высказывание *обязует* что-то делать и избегать определенных действий) характерна не только для закона: такой модальностью обладает любой приказ (или достаточно настойчивая просьба). Тот факт, что закон является *всеобщим*, то есть что закон как речевое сообщение адресуется каждому члену соответствующего сообщества, хотя и является важным для нашего анализа, однако тоже не является специфическим: такой же характер могут иметь, например, крик о помощи или объявление в газете. Самым интересным свойством закона как речевого сообщения кажется то, что у закона фактически *нет автора*, нет говорящего, который хочет передать каждому члену сообщества закон как свое сообщение¹. При этом речь не идет просто о том, что автор закона остается неизвестным. Если закон принимается парламентом, как это происходит в современных демократиях, это не значит, что определенная социальная группа, называемая парламентом, передает таким образом свое сообщение остальным членам общества. Посредством механизма выборов парламент сам становится инструментом, позволяющим говорить от лица всего общества.

¹ То, что называют авторством, по отношению к законам имеет другой смысл: автор закона — это человек, который только предлагает формулировку закона. Когда закон начинает действовать, то есть становится законом в собственном смысле слова, это авторство перестает играть какую-либо роль.

Таким образом, закон — это сообщение, которое общество посылает самому себе или, точнее, сообщение, которое общество как целое адресует каждому отдельному своему члену. Кстати, если считать это свойство существенным для закона как такового, то отсюда становится понятной связь между законностью и демократией (если понимать здесь под демократией механизм, который делает закон сообщением целого общества). Если посмотреть на недемократические правовые системы, то мы увидим, что закон в любом случае характеризуется анонимностью в указанном выше смысле, только, так сказать, в усеченном виде. Если, например, закон адресуется обществу высшим лицом в системе государственной власти, как это происходит в древнеегипетском праве, где закон адресуется обществу фараоном, то само это высшее лицо выносится за рамки своего общества: чтобы закон фараона работал, фараон должен быть богом. Идею божественного происхождения закона мы находим и в древнееврейском праве. Можно также вспомнить легенду об афинском законодателе Солоне, согласно которой Солон, дав Афинам законы, *покинул* этот город, запретив властям города изменять законы во время своего отсутствия. В правовом обществе люди разговаривают не только друг с другом, но каждый человек также разговаривает с законом, отвечает по закону и перед законом. Именно закон задает в обществе ту точку зрения объективного наблюдателя, точку зрения целого, с которой каждого говорящего можно рассматривать как отдельного индивида, абстрагируясь от многочисленных сложных связей между людьми и таким образом предельно упрощая всю структуру сообщества. Именно закон определяет в обществе тот внутренний механизм деления общества на элементы, который мы собирались найти. Каждое лицо, к которому обращается закон, оказывается перед законом «один на один» и несет перед ним индивидуальную ответственность. А поскольку закон принадлежит к деонтическим высказываниям и является всеобщим, он обращен именно к каждому члену своего сообщества, независимо от заинтересованности конкретного лица принять во внимание, понять, подчиниться, не подчиниться, согласиться, отвергнуть и вообще как-либо ответить закону. Развитие сложных

механизмов судопроизводства, в частности институтов обвинения и защиты, не должно скрывать из вида этого фундаментального отношения индивида и закона. Каким образом происходит расщепление связей между говорящими, позволяющее рассматривать каждого говорящего как независимого индивида, можно проследить даже на примере такой примитивной формы правовой практики, как посредничество, когда двое спорящих вместо того, чтобы продолжать спорить друг с другом, излагают свои аргументы третьему лицу. Здесь важно то, что посредник выступает не как еще один участник спора, не как третья сторона конфликта, а как инстанция, позволяющая рассмотреть аргументы каждого участника конфликта *отдельно*. Когда таким посредником является не какой-то отдельный человек или социальная группа, а все сообщество, возникает законность в собственном смысле слова. Конечно, различие между ситуацией, когда закон формулируется сообществом, и ситуацией, когда закон имеет внешний по отношению к данному сообществу источник, имеет принципиальное политическое значение. Если закон формулируется сообществом, то важно, каким именно образом это происходит (например, с помощью выборного парламента или как-то иначе). Однако мы сейчас не будем вникать в эти различия. Для определенности мы будем рассматривать ситуацию, когда источником закона является само сообщество, к которому применяется этот закон.

2. Изономия и экстенциональность

Итак, закон как сообщение сообщества каждому своему члену в некотором смысле предельно упрощает структуру сообщества, представляя ее в виде чистого *множества* индивидов. Отвлечение от каких-либо различий между индивидами, являющимися субъектами закона (в число которых могут не попадать определенные категории лиц, например дети), и от специфических отношений между индивидами и группами индивидов, формально выражается в принципе *равенства перед законом* или *изономии* (греч. *ισονομία*). На самом деле этот принцип, очевидно, не может быть соблюден абсолютно последовательно, поскольку, во-первых,

оказывается необходимым, чтобы люди, непосредственно участвующие в работе важнейших правовых механизмов, обладали особым статусом (в частности, судьи и парламентарии), а во-вторых, самые существенные социальные и биологические различия между некоторыми категориями индивидов не всегда оказывается возможным абстрагировать (имущественный ценз, различные права мужчин, женщин и детей, особый статус невменяемых и недееспособных). Таким образом, вместо одного множества получается несколько множеств различных *типов*. Тем не менее тенденция развития права, очевидно, состоит во все более последовательной реализации изономии, в частности равенство перед законом мужчин и женщин в наше время закреплено в конституциях подавляющего большинства государств мира и считается безусловно прогрессивным.

а) *цена изономии*

Хотя в этой работе я занимаюсь в основном формальными, а не морально-этическими аспектами права, я все же замечу (поскольку это важно для дальнейшего), что с этической точки зрения принцип изономии не является беспроблемным. Во-первых, изономию легче всего установить, просто исключив некоторые меньшинства (например, душевнобольных) из правового поля (или, говоря точнее, исключив членов этих меньшинств из числа *субъектов* права; так, закон, запрещающий жестокое обращение с животными, вводит животных в область правового регулирования, но не в качестве субъектов, а в качестве *объектов* права). Например, изономия правовой системы древних Афин распространялась только на свободных граждан, но не относилась к рабам (хотя в рамках этой системы существовали законы, регулирующие обращение с рабами и до определенной степени защищающие их права и учитывающие их интересы). Подобным образом в современных законодательствах *дети* не являются субъектами права в точном смысле слова: хотя в законодательствах большинства стран существуют законы, защищающие права детей, сами дети (по крайней мере до определенного возраста) отвечают за свои поступки перед взрослыми, занимающи-

мися их воспитанием, а не перед законом, то есть являются объектами, а не субъектами этих законов. (Иначе говоря, законы, защищающие права детей, предписывают *взрослым*, как нужно и как не нужно обращаться с детьми, и ничего не предписывают самим детям.) Как показывает пример рабовладельческого общества, такое разделение людей на субъектов права и всех остальных, на граждан и не граждан потенциально может приводить к существенной несправедливости, при том что, как показывает наш другой пример, такого разделения, по-видимому, невозможно полностью избежать. Во-вторых, отвлечение от биологических, социально-экономических и культурных различий между людьми и группами людей, предполагаемое изомонией, само может приводить к несправедливости, особенно если речь идет о биологических и культурных различиях. Представьте себе, что мы бы стали требовать от детей такой же юридической ответственности, которая существует у взрослых! А что можно сказать по поводу требования изомонии в культурно разнородном социуме? Эта проблема представляется очень сложной, а цена, которую приходится платить за неосторожные действия во имя идеала изомонии, может исчисляться десятками и сотнями тысяч убитых и замученных людей. Демократические законодательные механизмы только до некоторой степени могут обеспечить общественный консенсус по поводу содержания закона. Возможны ситуации (многочисленные примеры которых слишком хорошо известны, чтобы на них останавливаться), когда в обществе существует меньшинство, члены которого привержены иным ценностям и исповедуют иную мораль по сравнению с большинством. Демократические выборные процедуры вовсе не гарантируют в этой ситуации ненасильственного установления изомонии даже на самом слабом уровне (то есть при условии минимальности требований закона, который может дополняться местными законодательствами, как это происходит в системе федеративного права), тем более что любая достаточно формализованная демократическая процедура уже сама требует изомонии как предварительного условия (или во всяком случае консенсуса по поводу самой этой процедуры). Вообще, говоря об этических аспектах изомонии, мы не должны сбрасывать

со счетов то, каким образом и какой ценой исходная неизомная (и в частности, неправовая ситуация) может быть преобразована в правовую изомную ситуацию. Здесь мы во многих случаях столкнемся с моральной коллизией целей и средств. Даже при допущении, что изомия в данном сообществе была бы справедлива, нельзя не принимать во внимание возможность жестокости и несправедливости при установлении этой изомии. В этой связи, забегаая вперед, отметим, что в настоящее время изомия работает только на уровне государств. Трудно вообразить, какое кровопролитие может вызвать попытка установить за короткий срок даже самую слабую изомию в масштабах всего человечества.

Любопытно, что изомия представляет (внутренним образом) соответствующее сообщество в виде голого множества совершенно независимо от конкретного содержания закона. Вызывает также удивление вывод о том, что такое на первый взгляд простое и беспроблемное понятие, как *множество индивидов*, для своей практической реализации требует решения такой сложной задачи, как установление изомии (хотя бы посредством единственного закона). Разумеется, есть разница между теоретическим и практическим употреблением (точнее, функционированием) понятия. Однако можно предположить, что первое не существует без второго. Возможно, если бы у нас не было практического опыта изомии или по крайней мере понимания изомии как морально оправданного способа общественного устройства, такие понятия, как множество и индивид (а также категории общего и единичного), не казались бы нам столь легкими и естественными, и мы не могли бы с помощью этих категорий развивать науку и, в частности, теоретикомножественную математику. Возможно, правовая практика имеет гораздо большее значение для развития теоретического мышления, чем кажется на первый взгляд. Эта гипотеза по крайней мере не противоречит известным историческим фактам, согласно которым теоретическое знание впервые возникло в Древней Греции, когда идеи закона и изомии были уже в значительной мере реализованы на практике. Заметим еще, что тот факт, что понятие множества на самом деле является проблематичным и даже

парадоксальным, стал совершенно ясным в ходе развития теории множеств на рубеже 19-го и 20-го вв.¹

б) *корпоративное право и экстенциональные множества*

Возникает естественный вопрос: каким образом предельно упрощенная структура голого множества может соответствовать *запутанной* и сложной внутренней структуре сообщества (включающей биологические, лингвистические, экономические и другие виды связей)? Конечно, здесь речь идет не о настоящем превращении сложного общественно-го целого в голое атомизированное множество, а о практическом механизме *отвлечения* (абстрагирования) от этих связей посредством установления новой универсальной связи индивидами и обществом. Поэтому стороннему наблюдателю покажется, что закон не упрощает, а еще более усложняет внутреннюю структуру сообщества, добавляя новые связи (впрочем, с весьма простой структурой) к уже имеющимся. Однако этот дополнительный механизм позволяет *распутать*, привести в систему внутреннюю структуру сообщества, заново реконструировав ее на правовой основе. Упрощенно этот процесс можно описать следующим образом. Индивиды объединяются в группы (корпорации), управляемые *уставами*, которые представляют собой законодательства, действующие только в пределах данной группы индивидов. В простейшем случае такая корпорация состоит всего из двух человек, а «устав» представляет собой некоторый юридически оформленный договор между этими людьми. Далее, эти корпорации становятся *юридическими лицами*, то есть выступают как субъекты закона аналогично *физическим лицам*, то есть индивидам. Заметим однако, что поскольку выше мы допустили, что закон применяется непосредственно к каждому индивиду, в данном случае речь идет о некотором новом элементе законодательной системы, который мы обозначим как закон⁽²⁾ (закон второго порядка). В отличие от любого договора или устава, закон⁽²⁾, как и закон первого порядка, о котором мы говорили выше, является всеобщим

¹ См.: Френкель, Бар-Хиллел. Основания теории множеств. М., 1966.

и обязательным к исполнению каждой корпорацией. Кроме того, корпорации могут в свою очередь заключать договоры и образовывать консорциумы (объединения корпораций) или корпорации *второго порядка*. Отношения между корпорациями и уставы консорциумов также могут становиться предметом законодательства (как это имеет место, например, в случае антимонопольного законодательства). Многие из возникающих таким образом общественных структур на самом деле только воспроизводят (формализуют, переводят на правовую основу) отношения между людьми, которые иначе существуют неформально. Так на правовой основе реконструируется (конечно, только частично) сложность структуры сообщества.

Эта грубая схема достаточна для того, чтобы усмотреть аналогию с *теоретико-множественной конструкцией*: взяв некоторое множество, мы можем выделить в нем некоторые подмножества, а затем образовать новое множество, элементами которого будут эти подмножества (все или некоторые). Если считать, что всякое множество задается некоторым одноместным *предикатом* (имея в виду, что множество состоит из тех и только тех элементов, которые обладают *свойством*, выражаемым этим предикатом), мы таким образом придем к понятию *порядка предиката*. Предположим, что исходное множество M задано предикатом (свойством) P , то есть что множество M состоит из тех и только тех элементов, которые обладают свойством P . Далее мы можем выделить из M подмножества m_i , где m_i состоит из всех тех элементов множества M , которые обладают свойством p_i . Предикаты p_i , как и предикат P , — первого порядка, поскольку они определяют свойства элементов исходного множества. Однако если мы захотим построить множество N , элементами которого будут некоторые из подмножеств m_i , то нам понадобится предикат S *второго* порядка: в N войдут те подмножества m_j из M , для которых соответствующие предикаты p_j удовлетворяют (имеют свойство) S ; в этом смысле можно сказать, что S выражает *свойство свойств*. Например, в N могут войти те подмножества m_j , которые состоят из элементов одинакового *цвета*. Аналогия, о которой идет речь, состоит в том, что закон (первого порядка) соответствует предикату P , частные

договоры и уставы корпораций — предикатам p_i , а закон⁽²⁾, регулирующий отношения между корпорациями (или же устав некоторой корпорации второго порядка) — предикату S .

Конечно, приведенная аналогия очень груба, и если бы мы захотели аккуратнее моделировать правовые отношения теоретико-множественными средствами, нам бы понадобились гораздо более сложные конструкции (закон или договор — это более сложная вещь, чем предикат). Однако эта аналогия ухватывает главное: в изоморфической правовой системе, как и в стандартной теории множеств, корпорации (множества) определяются своими членами (своими *элементами*), а не наоборот.

В теории множеств этот принцип называется *принципом* (или аксиомой¹) *экстенциональности*, который (которую) точнее можно сформулировать следующим образом: множества тождественны (одинаковы, равны), если они состоят из одинаковых (тождественных, равных) элементов, или в стандартных символах:

$$\forall x \forall y (\forall z (z \in x \leftrightarrow z \in y) \rightarrow x = y). \quad (ZF1)$$

Этот принцип позволяет свести вопрос о тождестве множеств к вопросу о тождестве их элементов и делает осмысленным задание множества посредством указания на (все) его элементы (в этом смысле говорят о множестве натуральных чисел и т. д.). Формально возможность задания множества с помощью указания на его элементы (которые, вообще говоря, также являются множествами) гарантируется следующими двумя аксиомами: *аксиомой пары*, согласно которой любые два различных множества a , b можно объединить в (единственное) множество p , состоящее в точности из этих элементов:

$$\forall a \forall b (a \neq b \rightarrow \exists p \forall x (x \in p \leftrightarrow (x = a \vee x = b))) \quad (ZF2),$$

и аксиомой объединения, которая для любого множества a , элементами которого являются множества b_i , позволяет

¹ Здесь и ниже в качестве аксиом экстенциональной теории множеств мы используем аксиомы системы Цермело-Френкеля (ZF), см.: *Френкель, Бар-Хиллел*. Цит. соч.

построить (единственное) новое множество y , состоящее в точности из всех элементов всех b_i :

$$\forall a (\exists b (b \in a) \rightarrow \exists y \forall x (x \in y \leftrightarrow \exists z (x \in z \& z \in a))). \quad (ZF3)$$

Согласно этим двум аксиомам, не существует таких вещей (множеств), которые нельзя было бы рассмотреть в качестве элементов одного и того же множества (однако они допускают существование *непересекающихся* множеств, то есть множеств, не имеющих общих элементов).

Другой способ построения новых множеств из уже имеющихся, который мы упоминали выше, состоит в том, что из данного множества выделяется *подмножество*, состоящее из элементов исходного множества, обладающих некоторым определенным свойством (например, имеющих красный цвет); кроме того, из таких подмножеств можно, как из элементов, строить новые множества (ср. корпорации и консорциумы). Соответствующая аксиома стандартной экстенциональной теории множеств состоит в следующем: для каждого одноместного предиката P , имеющего смысл на всем множестве a (то есть такого, что $P(x)$ имеет определенное истинностное значение для каждого $x \in a$), существует такое подмножество y множества a , что $P(x)$ истинно для каждого $x \in y$:

$$\forall a \exists y \forall x (x \in y \leftrightarrow (x \in a \& P(x))). \quad (ZF5)^1$$

Хотя здесь множество также определяется посредством указания на свои элементы (как, например, в случае, когда из данного множества выделяют подмножество красных элементов), используемое в этом методе понятие свойства (одноместного предиката) само не является экстенциональным, что может быть проиллюстрировано с помощью нашей аналогии: одно и то же множество индивидов (физических лиц) может, вообще говоря, создавать различные корпорации (юридические лица), а одна и та же (в юридическом смысле) корпорация может в разное время состоять из разных индивидов. Поэтому корпорация «определяется индивидами», конечно, не в том смысле, в каком

¹ Я, хотя и ставлю эти аксиомы в другом порядке, привожу нумерацию аксиом по: *Френкель, Бар-Хиллел*. Цит. соч.

множество определяется своими элементами. Скорее главная идея состоит в том, что корпорация создается индивидами. В этом проявляется одно из ограничений экстенциональности в правовой практике, о которых мы будем подробнее говорить ниже. Вообще, говоря об экстенциональности, я понимаю это понятие более широко, чем это предусмотрено аксиомой (ZF1), а именно как принцип, согласно которому элементы множества в некотором смысле определяют само это множество. В этом смысле «конструктивные» аксиомы (ZF2)—(ZF3) (как и аксиома (ZF5), если принять во внимание сделанную оговорку) также отвечают экстенциональности. Более того, по-видимому, экстенциональности отвечает и сам принцип конструктивности, по крайней мере если иметь в виду под конструированием процедуру, подобную той, которую осуществляет ребенок, собирающий дом из кубиков.

Наконец заметим, что если предикат P является противоречивым (например, выражает свойство быть и не быть красным), то соответствующее подмножество будет пустым. По своему определению пустое множество является *атомом* (индивидом), то есть не содержит членов. Из аксиомы экстенциональности следует, что пустое множество является единственным. Таким образом, пустое множество — единственный атом (индивид) системы ZF. Модификация этой системы могла бы позволить построить теорию множеств с многими атомами¹, однако такая модификация означала бы ограничение принципа экстенциональности.

Последняя аксиома ZF, которую мы рассмотрим — *аксиома степени* — гарантирует существование множества, элементами которого являются все подмножества данного множества:

$$\forall a \exists y \forall x (x \in y \leftrightarrow x \subseteq a). \quad (\text{ZF4})$$

Заметим еще, что по определению подмножества

$$y \subseteq z =_{\text{Def}} \forall x (x \in y \rightarrow x \in z) \quad (\text{ZFDef1})$$

¹ См.: Анисов А. Представление интенциональных отношений в теории множеств с атомами // Тр. науч.-исслед. семинара логического центра Ин-та философии РАН. М., 1997.

всякое множество содержит в качестве подмножеств самого себя и пустое множество. Поэтому (ZF4) запрещает такие множества, которые сами не являются элементами: всякое множество является элементом своего множества подмножеств.

Мы рассмотрели только часть аксиом системы ZF, однако этого достаточно для наших целей.

3. Либерализм, коммунитаризм и мировой порядок

Взятый в таком расширительном смысле, принцип экстенциональности может быть применен к человеческим сообществам и даже к человечеству в целом, и тогда он превращается в утверждение, имеющее не только практическое, но и важное политическое значение: всякое человеческое сообщество, в том числе государство, вторично по отношению к индивидам, из которых это сообщество состоит. Эту точку зрения, восходящую по крайней мере к Гоббсу и связанную с договорной концепцией государства и права, можно в широком смысле назвать *либеральной*. Противоположную точку зрения, которая акцентирует зависимость (и в сильных формулировках — производность) индивида от сообщества, к которому он или она принадлежит, называют коммунитарной. Заметим, что с точки зрения абстрактной метафизики спор между либерализмом и коммунитаризмом выглядит безнадежным, подобно спору о курице и яйце: спор идет о том, что «было раньше» — целое (сообщество) или элемент сообщества (индивид). Однако поскольку этот спор имеет отнюдь не только теоретическое значение, а связан с политическими решениями, влияющими на жизнь миллионов людей, его меньше всего можно считать бессодержательным. Не имея возможности анализировать эту дискуссию подробно и считая привлекательность либеральной точки зрения слишком очевидной, чтобы приводить аргументы в пользу либерализма, я укажу только на слабые стороны этого подхода.

Начнем с того, что (как это многократно отмечалось) старая идея Гоббса о том, что право возникло на основе атомизированного состояния человечества, в котором все люди якобы находились в состоянии «войны всех против

всех», имеет мало общего с исторической действительностью. Хотя является исторически достоверным фактом, что в ряде случаев целью и результатом создания правовой системы было именно прекращение и предотвращение войн (как, например, при возникновении римского права), а также, что правосудие во многих случаях предотвращает вооруженные конфликты, очевидно, неверно считать, что при неправовом состоянии общества сторонами конфликтов всегда являются отдельные индивиды. Это равным образом могут быть племена, роды и другие типы неправовых сообществ. Межплеменные и межродовые конфликты происходили задолго до возникновения государств, а из истории права известно, что субъектами первых правовых систем были не индивиды, а *общины*, сформированные по родовому признаку¹. Война — в более точном, а не метафорическом смысле, — это вооруженный конфликт человеческих сообществ, а не индивидов.

Но дело даже не в истории. Выше я постарался показать, что атомизированное состояние общества не просто не является «естественным», но что такая атомизация требует изономии, а значит — государства и правовой системы. Получается, что то, что Гоббс считает предпосылкой возникновения государства, в свою очередь требует государства как предпосылки. В практическом смысле это означает, что создание правовой системы посредством договоров между индивидами возможно только в рамках уже существующей изономной правовой системы: таким образом можно создать устав корпорации или местное законодательство, дополняющее федеральное, но не перейти от неправового состояния общества к правовому.

Кроме этого, я упомяну две актуальные политические и правовые проблемы, которые, как кажется, не могут быть удовлетворительно решены, если ортодоксально придерживаться либерального подхода: проблему прав сообществ и проблему соотношения национального и международного права. Говоря о сообществах, коммунитаристы имеют в виду не корпорации, построенные в атомизированных изономных обществах и поэтому имеющие четкий правовой

¹ См.: Аннерс Э. История европейского права. М., 1996.

статус, а неформальные группы, объединенные, например, по культурным и этническим признакам. С точки зрения ортодоксального либерализма, неуместным является сам разговор о правах сообществ, особенно при условиях, когда эти сообщества не определены экстенсionalmente в терминах формального членства и всю проблему нужно переформулировать в терминах прав конкретных индивидов. Однако во многих случаях речь может идти о таких вещах, которые по своему смыслу могут относиться только к сообществу, а не индивиду, например о праве говорить на определенном языке: чтобы заявить об этом праве, нужны по меньшей мере двое говорящих. Вопрос о том, могут ли такого рода права быть реализованы через корпоративное право, то есть могут ли заявляющие о своих правах сообщества быть реконструированы как корпорации (в том смысле, в котором мы говорили об этом понятии выше), является неочевидным. Хотя, с моей точки зрения, это во многих случаях представляется возможным и желательным (это мой аргумент в пользу либерализма), есть по крайней мере одно исключение, а именно прописанное в международных документах «право народов на самоопределение», из-за которого в последние десятилетия было пролито столько крови. Если понимать это право как право на создание полностью автономного законодательства, то есть как право на создание независимого государства, то, разумеется, это не может быть сделано по модели создания корпорации, поскольку государственная независимость (суверенитет) в современном смысле означает, что изономия распространяется только на граждан этого государства, а не на более широкое сообщество (как в случае корпорации, действующей в рамках национального законодательства). Отсутствие формального критерия принадлежности индивида к тому или иному «народу» делает реализацию этого права особенно проблематичной. Однако даже если отказаться признавать это право сегодня, это не изменит ту ситуацию, что на сегодняшний день изономия действует только в пределах государств, тогда как глобальное человеческое сообщество остается гетерономным.

Речь идет о том, что в настоящее время не существует никакого закона, который имел бы силу для каждого чело-

века независимо от его или ее национальной принадлежности. (Всеобщие декларации вроде Хельсинской декларации прав человека, как я покажу ниже, имеют другой смысл.) В частности, это означает, что возникновение правовых государств решает проблему насилия, о которой говорит Гоббс, только в очень узком и локальном смысле (даже если оставить сейчас в стороне проблему легализованного государственного насилия): в условиях существования правовых государств насилие осуществляется, во-первых, на уровне индивидов и небольших групп (преступность), а во-вторых, на крупномасштабном уровне в межгосударственных войнах, то есть результат состоит только в том, что насилие предотвращается на промежуточном уровне (типа уровня межплеменных конфликтов). По некоторым данным относительное (к общей численности человечества) число жертв вооруженных конфликтов оставалось и продолжает оставаться приблизительно постоянным на протяжении всей человеческой истории (даже без учета жертв легальных репрессий, то есть легальных казней)¹.

Существующие международные правовые институты, в частности Организация Объединенных Наций (ООН), по своей структуре напоминают такие примитивные правовые институты, как совет старейшин, существовавшие еще в родовых общинах, и в принципе не могут обеспечить глобальной изомии на индивидуальном уровне². Попытки применять международные нормы непосредственно к индивидам (например, при обвинениях в преступлениях против человечности) при отсутствии механизмов, обеспечивающих глобальную изомию, остаются под контролем отдельных государств или групп государств, что ставит под вопрос их легитимность и во многих случаях заставляет вспомнить о таких архаических правовых институтах, как институт мести. Конечно, на всю эту ситуацию можно смотреть с оптимизмом, считая, что в области международного права человечество делает еще только первые шаги, и надеяться

¹ Сообщено А. Назаретяном на семинаре в ИИЕТ РАН 22 января 2002 г.

² Заметим, что созданный *ad hoc* институт Совет Безопасности ООН противоречит изомии даже на уровне государств: государства-члены СБ имеют больше прав, чем остальные государства.

на то, что в будущем некая сила окажется в состоянии контролировать целый мир и установить одинаковые для всех справедливые законы (или хотя бы что-то вроде единого для всего человечества федерального закона, который в отдельных регионах мог бы быть дополнен местными законодательствами, учитывающими местные условия). Однако реальное положение вещей дает для такого оптимизма мало оснований. Описанный сценарий мог бы быть в принципе продолжением процессов колонизации, если бы жители колоний могли добиваться равных прав с жителями метрополий (хотя экономические и культурные различия между этими группами в любом случае составляли бы проблему). Однако произошло другое: в результате того, что получило название «национально-освободительной борьбы», колониальные империи распались¹. После двух мировых войн и одной холодной войны, давшей человечеству средство самоуничтожения в виде ядерного оружия, любая попытка за короткий срок установить контроль над всем миром и утвердить изономию (мировое государство) силой оружия кажется безумной. С другой стороны, сомнительно, что изономию в масштабах человечества можно утвердить путем государственных соглашений, которые привели бы к тому, что все государства мира (или хотя бы большинство государств, включая наиболее развитые) добровольно отказались бы от суверенитета в современном смысле слова и согласились бы на статус автономных республик в рамках мирового федеративного государства. Также требует изучения вопрос о том, сможет ли структура, подобная современному национальному государству, эффективно действовать применительно к сообществу, состоящему примерно из 10 000 000 000 человек (в недалеком будущем). Тот факт, что она эффективно работает на сообществах меньшего масштаба, еще не позволяет дать положительный ответ на этот вопрос. Наконец, существенная разница

¹ Впрочем, процессы распада государств и федераций, в частности СССР и Югославии, как представляется, сами по себе не направлены против тенденции к глобализации мирового сообщества, в том числе и в смысле укрепления мировой правовой системы. Наоборот, одним из стимулов сепаратизма является попытка той или иной территории стать самостоятельным субъектом международного права.

между национальным государством (и вообще любым государством, существовавшим в прошлом или существующим сейчас) и гипотетическим мировым государством состоит просто в том, что национальных государств много, а мировое государство по определению одно. Естественно предположить, что оппозиция «свой-чужой» играет важную роль в известных моделях государства и что поэтому такие модели не могут быть воспроизведены в глобальном масштабе. Хотя идею изономии в мировом масштабе, по-видимому, нельзя сбрасывать со счетов, стоит подумать и об альтернативных сценариях, вместо того чтобы пытаться механически повторять историю.

4. Интенциональные множества

Мы видим, что изономная правовая система отвечает либеральной модели в главном пункте, а именно в том, что индивид берется в качестве основы всей общественной структуры (хотя классический либерализм ошибается в том, что атомизированное состояние общества является предпосылкой изономии; на самом деле, как мы видели, такая атомизация является ее результатом). Говоря об изономном праве, мы легко нашли подходящий концептуальный аппарат, который позволяет моделировать правовые отношения, а именно аппарат стандартной теории множеств, которым пользуется (почти) вся современная математика и логика. Поразителен тот факт, что как бы мы ни решали дилемму либерализма *versus* коммунитаризма, исходя из этических и политических оснований, в нашем распоряжении нет хорошего понятийного инструментария для обслуживания коммунитарных аргументов и решения коммунитарных проблем, то есть средств, позволяющих работать со *сложными объектами*, про которые заранее неизвестно, из каких простых частей они состоят. Возможно, что многие неудачи коммунитарной политики, в том числе и такие, которые приводят к ущемлению человеческой *свободы*, связаны с тем, что о сообществах (сложных объектах) начинают думать как об индивидах (в частности, когда говорят об интересах и правах сообществ), не различая должным образом простое и сложное. На самом деле необ-

ходимость разработки логического, математического (и, если угодно, метафизического) аппарата, позволяющего работать со сложными объектами, обусловлена не только социальными, политическими и правовыми проблемами, о которых здесь идет речь, но и проблемами современной науки, в частности биологии¹. Сейчас я собираюсь предложить вариант такого аппарата, отталкиваясь от идеи «дуализации» стандартной экстенциональной теории множеств, а затем я покажу, каким образом этот аппарат может быть применен к правовой практике (и укажу на некоторые существующие виды правовой практики, которые могут быть смоделированы с помощью этого аппарата).

Итак, отвлечемся пока от правовых сюжетов и вернемся к теории множеств. Несмотря на то, что идея определения множества посредством указания на его элементы кажется естественной, даже в рамках стандартной системы ZF, о которой шла речь в пункте 2б, существует альтернатива: множество (элемент) x можно определить не только указанием на те множества (элементы), *которые* принадлежат множеству x , но и наоборот, указанием на те множества, *которым* x принадлежит в качестве элемента. (Напомним, что в ZF «элемент» является избыточным термином, который заменяет термин «множество» в ситуации, когда речь идет о принадлежности этого множества другому множеству. Для наших целей мы введем второй подобный термин: если $x \in y$ (x, y — множества), то будем называть множество x (по-прежнему) *элементом* множества y , а множество y — *ареалом* множества (или элемента) x .) На самом деле отношение равенства множеств *определяется* в ZF именно таким образом: два множества *называются* равными, если (и только если) они принадлежат одним и тем же множествам, то есть имеют одни и те же ареалы:

$$x = y =_{\text{Def}} \forall z (x \in z \leftrightarrow y \in z), \quad (\text{ZFDef2})$$

а экстенциональность утверждается аксиомой (ZF1)². Если

¹ См. мои статьи «Догма экстенционализма» и «Идея внутренней геометрии» (обе в печати).

² Обратная импликация в (ZF1) может быть легко доказана с помощью (ZFDef1) и (ZF5).

трактовать принадлежность множеству как обладание свойством (рассматривая множества как экстенционалы соответствующих предикатов), то определение множества через его ареалы окажется тем же, что и определение вещи через ее свойства, а (ZFDef1) будет выражать не что иное, как закон Лейбница о тождестве неразличимых (*identitas indiscernibilium*), то есть тождестве вещей, все свойства которых одинаковы. Поэтому такое определение можно назвать *интенциональным*.

На самом деле, экстенциональность в ZF можно ввести в определение равенства:

$$x = y =_{\text{Def}} \forall z (z \in x \leftrightarrow z \in y), \quad (\text{ZFDef2}')$$

заменив соответствующим образом (ZF1):

$$\forall x \forall y (x = y \rightarrow \forall z (x \in z \rightarrow y \in z)). \quad (\text{ZF1}')$$

Однако, как мы уже говорили, экстенциональный характер ZF зависит не только и не столько от соотношения интенциональности и экстенциональности в определении равенства и первой аксиоме, сколько от последующих «конструктивных» аксиом (ZF2)—(ZF5), поэтому ZF в целом остается экстенциональной теорией, которая позволяет переходить от элементов к множествам, а не наоборот (и которая в этом смысле соответствует интуициям доаксиоматической «наивной» теории множеств). Нашей же задачей будет построить последовательно *интенциональную* теорию множеств, которая позволяла бы переходить от множеств к элементам. Для этого мы последовательно дуализируем ZF, то есть «вывернем ее наизнанку». А именно, приняв экстенциональное *определение* равенства (ZFDef1'), введем *аксиому интенциональности*, согласно которой множества равны, если они имеют одни и те же ареалы:

$$\forall x \forall y (\forall z (x \in z \leftrightarrow y \in z) \rightarrow x = y). \quad (\text{A1})$$

Сравнив (A1) с (ZF1), мы уже видим способ искомой дуализации, который состоит в том, что релаты отношения \in меняются местами.

Вместо аксиомы пары (ZF2) введем *аксиому связи*, которая для каждой пары различных множеств a , b гарантирует

существование такого элемента p , который принадлежит обоим этим множествам и только им:

$$\forall a \forall b (a \neq b \rightarrow \exists p \forall x (p \in x \leftrightarrow (x = a \vee x = b))). \quad (A2)$$

Аналогичным образом заменим аксиому объединения (ZF3) на *аксиому пересечения*, которая для данного элемента a , имеющего хотя бы один ареал, гарантирует существование другого элемента y , такого, что ареалами y являются все ареалы ареалов элемента a :

$$\forall a (\exists b (a \in b) \rightarrow \exists y \forall x (y \in x \leftrightarrow \exists z (z \in x \ \& \ a \in z))). \quad (A3)$$

Прежде чем выписать оставшиеся две аксиомы, посмотрим на то, что у нас получилось. Аксиома (A2) означает, что любая пара рассматриваемых множеств имеет единственный общий элемент, а (A3) усиливает (A2) (аналогично тому, как (ZF3) усиливает (ZF2)), что позволяет, в частности, находить единственный общий элемент для любого числа заранее заданных множеств. С другой стороны, (A2)—(A3), в отличие от (ZF2)—(ZF3), не гарантирует, что существует множество, которое содержит заданные элементы, то есть допускает возможность существования *необъединяемых* множеств (аналогично тому, как (ZF2)—(ZF3) допускает возможность существования непересекающихся множеств).

Экстенциональная ZF опирается на мощную *пространственную* интуицию наивной теории множеств: мы легко можем представить себе множества в виде тел, которые можно свободно перемещать в пространстве, и из этих тел мы можем образовывать новые тела (множества), совмещая исходные тела, то есть «складывая их вместе», как мы это делаем с предметами ежедневного обихода. Эта интуиция подтверждает (ZF1)¹ и придает смысл (ZF2)—(ZF3): любые два тела можно сложить вместе, составив из них новое сложное тело (ZF2), а взяв некоторое число сложных тел, мы можем разобрать их все на части и сложить все эти части в одну кучу, не заботясь о том, какая часть какому телу ранее принадлежала (ZF3). С (ZF4) пространственная интуиция уже дает сбой: мы не можем сложить в одну кучу некоторое тело и все его составные части. Зато с (ZF5)

¹ Заметим, что *экстенциональность* — это синоним *протяженности*.

пространственная интуиция продолжает хорошо работать, несмотря на интенциональную природу этой аксиомы: представим себе, например, что из множества шаров мы выбираем и складываем вместе шары красного цвета. С такими понятиями, как пустое множество, а также с бесконечными множествами (о которых мы не говорили) обычная пространственная интуиция почти не справляется. Кроме того, пространственная интуиция смешивает такие принципиально различные в теории множеств понятия, как отношение принадлежности \in и отношение подмножества \subseteq . Несмотря на такую ограниченную применимость, роль пространственной интуиции в теории множеств остается огромной. Без опоры на такую интуицию, на интуитивно ясную *онтологию* пространства и тел в пространстве теория множеств не могла бы играть той фундаментальной роли, которую она играет в математике и логической семантике.

Чтобы придать смысл аксиомам (A2)—(A3), нам также необходимо сослаться на некоторую интуицию и предъявить некоторую понятную онтологию — в противном случае наше построение останется чисто формальным (смысл (A1) мы уже объяснили выше, сославшись на понятие *свойства*). Очевидно, что онтология пространства для этого не подходит: в пространстве не все множества пересекаются, зато все множества объединяются, а не наоборот. Сейчас я покажу, что эту задачу решает интуиция *времени*, опирающаяся на онтологию *меняющегося мира*. Рассмотрим некоторую вещь, которую мы будем называть *миром* (чуть ниже я покажу, что слово *мир* здесь используется не случайно), *состояния* которого постоянно и непрерывно изменяются (в том смысле, что мир в разное время имеет *разные* состояния). Состояние мира в некоторое время можно также назвать *событием*. Чтобы не смешивать временную интуицию с пространственной, предположим сейчас мир не имеющим протяженности и не будем различать состояния различных частей мира. Состояния мира (события) мы и будем отождествлять с интенциональными множествами, о которых идет речь в (A1)—(A3). Состояния, которые мир имеет в разное время, не могут быть объединены в одно множество и не могут быть взяты вместе (в частности, они могут быть взаимоисключающими). Так с помощью интуиции

времени получает смысл понятие *необъединяемых множеств*. Однако состояния мира являются, вообще говоря, *сложными* (как и тела в пространстве), поэтому *одновременные* состояния могут объединяться. Чтобы теперь придать смысл утверждению, что любая пара (и любой набор) интенциональных множеств имеет единственный общий элемент, нужно допустить (в соответствии с принятым объяснением аксиомы (A1)), что состояния мира определяются в терминах *свойств*, причем эти свойства являются многопорядковыми, то есть речь идет всякий раз о свойствах свойств и т. д.; точнее, $x \in y$ означает «свойство x имеет свойство y ». Тогда утверждение (A2) означает, что какие бы различные («удаленные во времени») состояния y, z мы ни взяли, всегда найдется такое единственное свойство нижнего уровня x , что во все время, когда мир поочередно обладает свойствами y, z , свойство x остается неизменным. Например, мир может быть сначала зеленым, а потом красным, оставаясь все время круглым (как яблоко). Единственность x означает, что x является чем-то вроде «относительной сущности», которая определяется по отношению к данному состоянию (если речь идет об одновременных событиях) или изменению. (A3) является дополнением к (A2), которое позволяет обобщить эту ситуацию на любое число исходных свойств (множеств).

Означает ли сказанное, что можно предположить существование некоторого свойства мира, которое остается неизменным при всех изменениях («вечную сущность», которая определяет мир как таковой)? Если мы продолжим дуализировать аксиомы ZF указанным выше способом, мы получим отрицательный ответ на этот вопрос, но зато сможем формализовать само понятие мира.

Прежде чем дуализировать (ZF4), нам нужно дуализировать определение подмножества (ZFDef1). Таким образом мы приходим к понятию *надэлемента*: y является надэлементом элемента z , если все ареалы множества y являются ареалами множества z :

$$y \subseteq z =_{\text{Def}} \forall x (y \in x \rightarrow z \in x) \quad (\text{ADef1})$$

(мы использовали для надэлемента тот же символ \subseteq , что и для подмножества).

Дуализируя теперь аксиому степени (ZF4), мы получаем *аксиому корня*, согласно которой все надэлементы всякого элемента x содержат единственный элемент y (который можно по двойственности назвать *корнем* элемента a), то есть не является атомом.

$$\forall a \exists y \forall x (y \in x \leftrightarrow x \subseteq a). \quad (A4)$$

Поскольку согласно (ADef1) всякое множество является надэлементом самого себя, это означает, что всякое интенциональное множество содержит хотя бы один элемент, то есть не является атомом (индивидом). Так что в отличие от экстенциональной теории множеств интенциональная теория является строго безатомной. Вместо этого в интенциональной теории можно допустить существование *мира*, то есть такого множества, которое не является элементом другого множества. (В более привычной терминологии такие объекты называются *классами*, однако в рамках экстенциональных теорий их приходится отличать от множеств, а не рассматривать в качестве частного случая множеств.) Согласно аксиоме интенциональности (A1), мир единственен, а из (ADef1) следует, что мир является надэлементом всякого множества. Применительно к нашей интерпретации отсутствие атомов означает, что всякое свойство должно трактоваться как «свойство свойства», причем эта иерархия свойств не покоится ни на какой «сущности». Ни одно из этих свойств не является свойством *мира* (в смысле интерпретации $x \in y \Leftrightarrow$ «свойство x имеет свойство y »). Мир отличается от других вещей как раз противоположным, а именно тем, что он вообще не имеет свойств, а сам является своего рода единственным «последним свойством». Рассматривая объекты и свойства объектов с обычной экстенциональной точки зрения, мы можем бесконечно наращивать порядки свойств, так сказать, вовне. Если интерпретировать свойства как подмножества, этому будет соответствовать многократное взятие степени множества нулевого уровня, то есть рассмотрение его множества подмножеств, множества подмножеств множества подмножеств и т. д. В интенциональном же случае мы отталкиваемся от свойства самого верхнего уровня и можем неограниченно

спускаться вниз. Поэтому о мире в нашей интерпретации нужно думать не как о внешнем объекте в пространстве, а как о том, внутри чего мы всегда находимся.

Заметим, однако, что пока существование мира только допускается в нашей теории, но не следует из нее. Существование мира может быть доказано с помощью аксиомы, двойственной аксиоме выделения (ZF5). Чтобы сформулировать эту аксиому, у нас уже есть понятие, двойственное понятию подмножества, а именно понятие надэлемента. Остается только дуализировать понятие предиката. Поскольку надэлемент получается из данного множества (элемента) «вычеркиванием» некоторых множеств (свойств), которым этот элемент принадлежит (которыми этот элемент обладает), искомым аналогом понятия предиката будет *оператор абстракции*. Применение этого оператора к некоторому элементу (множеству) даст некоторый надэлемент этого множества. Формулировка соответствующей аксиомы *mutatis mutandis* буквально повторяет формулировку аксиомы выделения (ZF5), и мы не будем еще раз ее выписывать. Абстракция второго порядка получается, если применить оператор абстракции к элементу, ареалы которого являются надэлементами некоторого исходного множества. Особую роль играет оператор *полной* абстракции, который вычеркивает все ареалы данного множества, давая в результате *мир*.

Таким образом, мы представили набросок теории интенциональных множеств, разработка которой остается делом будущего исследования. Теперь попытаемся показать, чем эта теория может оказаться полезной для правовой и политической практики. При этом речь пойдет не о непосредственном применении данного формализма, а скорее о том, что интенциональная точка зрения дает новый взгляд на старые проблемы.

5. Права людей и права сообществ

Напомним наш вывод о том, что вопреки классической либеральной точке зрения изонормное право, основанное на принципе индивидуальной ответственности, в более глубоком смысле основывается не на активности и интересах индивидов, а на всеобщем законе, источником которого

является либо общество в целом, либо это нечто внешнее: как было показано, именно такого рода закон позволяет атомизировать общество, то есть рассматривать его как голое (бесструктурное) экстенциональное множество индивидов. Как мы говорили, закон является сообщением, которое общество как целое адресует каждому отдельному своему члену, превращая таким образом его или ее в ответственного индивида. При двойственном подходе мы должны начать с противоположного — с сообщений членов общества целому обществу. Представляется, что именно эту роль играют в юридической практике *декларации прав*, среди которых особое место занимает Хельсинская декларация прав человека. В отличие от закона, который является требованием, предъявляемым к индивиду, декларация предъявляет определенные требования к обществу и законам этого общества. Если проблемой создания изономной правовой системы было установить, кого считать индивидом, являющимся субъектом этой правовой системы, то декларация, вообще говоря, ставит обратный вопрос: каковы пределы того сообщества, которое признает требования, предъявляемые декларацией? Как и в случае с конституированием юридической индивидуальности, здесь идет речь о шаге, который обуславливает работу правовых механизмов, определяя, так сказать, исходные термины. Заметим, что такого рода декларации не обязательно выражают интересы отдельных индивидов, но могут также выражать интересы сообществ, как это показывает пример декларированного на международном уровне права народов на самоопределение. Мы приходим к довольно неожиданному выводу о том, что реализация именно (классической) либеральной модели права начинается «сверху», то есть со стороны государственного или внешнего источника власти, тогда как реализация коммунитарной политики начинается «снизу», то есть со стороны индивидов и социальных групп, из которых образуется общество. (Впрочем, если вспомнить, как на самом деле происходит борьба социальных групп за свои права, последнее замечание не покажется странным.)

Заметим, что изономная правовая система, несмотря на свой экстенциональный характер (см. выше), имеет дело

все же не с единственным индивидом (чего требовало бы последовательное применение принципа экстенциональности, как в системе ZF), а с *множеством* индивидов. Двойственным образом коммунитарная политика имеет дело не с целым человечеством, а с различными человеческими сообществами. Итак, то, что мы ищем,— это альтернативный путь решения проблем сообществ, не основанный на идее предварительной атомизации всех рассматриваемых сообществ посредством установления поверх этих сообществ единого закона, одинакового для каждого индивидуального члена каждого сообщества. Итак, попробуем отнестись к этим сообществам как к *интенсиональным*, а не экстенциональным множествам, используя развитую выше теорию в качестве подсказки. С точки зрения этой теории задача состоит не в том, чтобы пытаться объединить конфликтующие сообщества на некоем нулевом уровне, а в том, чтобы установить между ними *связи*. Практически это означает необходимость шагов, направленных на *открытость* сообществ, то есть возможность каждого индивида или группы индивидов (подсообщества) *переходить* из одного сообщества в другое. При этом не нужно требовать, чтобы такой элемент, переходящий из одного сообщества в другое, в какое-то время принадлежал обоим сообществам сразу или не принадлежал ни одному из них. Правила такого перехода также не должны, вообще говоря, поддерживаться некоей третьей силой: достаточно, если каждое из сообществ сможет обеспечивать такой переход независимо. Между прочим, идея связи посредством перехода из сообщества в сообщество может работать даже для таких архаических типов сообществ, как племя и род, что видно на примере институализированной практики межплеменных браков. Связь как альтернатива объединению может быть хорошо проиллюстрирована на примере лингвистического сообщества: использование нескольких языков в пределах одного и того же лингвистического сообщества является возможным, если говорящие умеют переводить с каждого из используемых языков на каждый другой. Я думаю, что аргумент, согласно которому такой способ обеспечения связности (связь вместо объединения) является неэкономным, вообще говоря, не имеет силы. Может, в частности, оказаться,

что поддержание единой системы законов в глобальном масштабе (глобальная изономия) потребует значительно больших усилий и будет связано с большим насилием и жестокостью, чем реализация системы локальных связей. При этом общий правовой стандарт может обеспечиваться не одинаковыми законами, а декларациями прав — при условии существования реального механизма выполнения требований этих деклараций локальными правовыми системами и хорошей работе самих этих правовых систем. Таким образом может быть компенсировано отсутствие формальной изономии, и важная этическая идея *равенства* может получить альтернативную реализацию.

Говоря теперь о структурах второго и более высокого уровня (аналогичных корпорациям и консорциумам в экстенциональной модели), нужно обратиться к понятию надэлемента. Введение надэлемента означает абстрагирование от некоторых свойств индивидов: это может быть цвет кожи, этническое происхождение, пол и т. д. Так несколько этнических групп, абстрагировав различия между этими группами, могут на основе общих признаков создать более обширное сообщество. Однако такое сообщество не обязательно будет изономным, а может представлять собой что-то вроде союза, хотя конечным результатом последовательного абстрагирования может быть и изономия. Таким образом, в рамках интенциональной модели имеется механизм, аналогичный экстенциональному механизму объединения. Однако разница состоит в том, что в интенциональной модели изономия не является предварительным условием работы правовых механизмов, а может быть скорее результатом такой работы. Заметим еще, что интенциональная модель права оказывается гибче экстенциональной модели в том смысле, что в качестве исходных элементов в интенциональной модели можно брать сообщества *разного* масштаба (как мы уже сказали, начинать сразу с человечества все равно не получается), тогда как понятию индивида при экстенциональном подходе, очевидно, могут соответствовать только *биологические* индивиды, и попытки брать в качестве индивидов сообщества оборачиваются грубыми нарушениями прав личности. Попытка рассмотрения биологического индивида в качестве юридического сообщества

может привести только к курьёзу, однако попытка рассмотреть биологическое сообщество в качестве юридического индивида может иметь пагубные политические и моральные последствия. В этом смысле либеральный тезис о первичности индивида является необходимой мерой предосторожности в рамках правовой практики, следующей экстенсиональной модели.

Коснемся еще вопроса об *изменениях* законодательства. Экстенсиональная теоретико-множественная модель права, представленная выше, не дает нам никаких соображений на этот счет: всякая экстенсиональная теоретико-множественная структура по определению является «статичной». Разумеется, это не соответствует реальной юридической практике, поскольку всякая работоспособная правовая система должна предусматривать механизмы собственного изменения, а также механизмы, регулирующие порядок изменения во вторичных структурах: создание и роспуск корпораций, заключение договоров и т. д. И все же, как представляется, экстенсиональный подход к праву приводит к тому, что правовые системы оказываются недостаточно гибкими, чтобы выдержать глубокие структурные перестройки, обеспечивая при этом непрерывность законодательного процесса, и избежать правовых провалов. Так же как в синхроническом аспекте относительное снижение уровня насилия внутри правовых государств компенсируется масштабным характером войн между этими государствами, так и в диахроническом аспекте относительное снижение уровня насилия в периоды поддержания законности компенсируется взрывами насилия во время гражданских конфликтов и революций, связанных с неправовыми формами изменения существующих правовых систем, с разрушением старых и созданием новых правовых систем. Интенсиональный подход в данном отношении может быть, как представляется, более полезным. Связь между сообществами в рамках интенсиональной модели не обязательно понимать как связь между одновременно существующими сообществами, но можно понять и как связь между сообществами, которые существуют последовательно во времени на одной и той же территории и которые состоят в основном из одних и тех же людей. Речь идет о кардинальных

социальных преобразованиях, в результате которых одни сообщества исчезают, а другие возникают. Аксиомы связи и пересечения (A2)—(A3) обеспечивают непрерывность (связность) таких процессов и позволяют подходить к ним таким же образом, как и к отношениям между сообществами, существующими одновременно, то есть позволяют включать эти процессы в правовое поле. В отличие от экстенсиональной модели, в рамках которой фиксированным, то есть не подлежащим изменению, остается базовый уровень первичного закона, имеющего силу для каждого индивида, в интенсиональной модели фиксированными остаются только правовые принципы (выраженные в соответствующих правовых декларациях), определяющие свойства сообщества в целом. Если в экстенсиональном случае ограничивается *глубина* возможных изменений общественного устройства, то в интенсиональном случае ограниченной оказывается только «высота» изменений. Это означает, что интенсиональная модель допускает сколь угодно глубокие изменения при условии, что результаты таких изменений соответствуют некоторым фиксированным *высшим* (а не базовым, как в экстенсиональном случае) принципам (таким, как, например, принцип толерантности).

В заключение заметим, что юридическая практика, так же как описание пространства-времени, очевидно, требует сочетания экстенсионального и интенсионального подходов. Как эти два подхода могут сочетаться на формальном уровне и в практике — вопрос, требующий дальнейшего исследования.

А. Г. Кислов
Екатеринбург

ИЗМЕНЕНИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Поиск философских оснований толерантности составляет серьезную проблему: эмпиризм Локка, например, в роли такого основания не выдержал критики. Идея «вторичных»